

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЛЯ РЕГИОНОВ¹

ДОРОШЕНКО Светлана Викторовна, д.э.н., doroshenkos@mail.ru, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-8282-6062; Scopus Author ID: 56470612600

ВАСИЛЬЕВА Рогнеда Ивановна, vasilyeva.ri@uies.ru, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0001-5539-3145; Scopus Author ID: 57417710500

ЛИТВИНЕЦ Виктория Павловна, vikalitv02@yandex.ru, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0003-4818-4665

В статье приведены результаты оценки влияния государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» на экономический рост в регионах. Оценка произведена с использованием метода синтетического контроля (от англ. Synthetic Control Method, SCM). Исследование показало, что госпрограмма эффективна для более экономически развитых субъектов РФ. В регионах, отстающих по показателю валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, реализация программы менее эффективна. Результаты существенно дополняют проведенные ранее исследования оценки эффективности госпрограмм и позволяют разработать рекомендации по корректировке региональной политики.

Ключевые слова: оценка политики и программ, документы стратегического планирования, метод синтетического контроля (SCM), Дальневосточный макрорегион, экономическое развитие.

DOI: 10.47711/0868-6351-203-113-124

Введение. Дальний Восток, наряду с регионами Северного Кавказа и Крайнего Севера, находится в фокусе внимания федерального центра. В исследованиях по данному направлению особо подчеркивается приоритетность развития экономического потенциала этих территорий [1]. Так, О.В. Кузнецова отмечает, что «понимание необходимости федеральной поддержки Дальнего Востока проявилось еще в середине 1990-х годов, когда была принята федеральная программа развития региона» [2, с. 54]. Последующая активизация взаимодействия на восточном направлении усилила геостратегическое значение дальневосточных территорий. Это нашло отражение в стратегических и программных документах, принятых в 2014-2021 гг., в том числе «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»², «О свободном порте Владивосток»³, «Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года»⁴, указе Президента РФ «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока»⁵, «Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года»⁶ и др.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания НИР Института экономики УрО РАН.

² Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279>

³ Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39906>

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 г. № 1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/28228/>

⁵ Указ Президента РФ от 26.06.2020 г. № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006260029>

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 г. № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока до 2024 года». URL: <http://government.ru/news/40487/>

Основой для разработки названных документов стала государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»⁷ (далее – госпрограмма), принятая в 2014 г. и пришедшая на смену «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона»⁸. Реализация госпрограммы осуществляется в два этапа: 2014-2021 и 2022-2030 гг. Основная цель – создание благоприятных условий для обеспечения опережающего экономического развития и повышения качества жизни за счет привлечения инвестиций, развития инфраструктуры и расширения международной торговли со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Планируемые объемы финансового обеспечения из средств федерального бюджета за весь период реализации составляют почти 140 млрд руб.⁹. Предполагается, что с помощью механизма государственной инфраструктурной поддержки на Дальний Восток будет привлечено 304,9 млрд руб., созданы объекты инфраструктуры для тринадцати инвестиционных проектов¹⁰. Уже в 2014-2019 гг. в рамках новых механизмов развития на Дальнем Востоке было реализовано более 330 инвестиционных проектов с привлечением 1,24 трлн руб. частных инвестиций и созданием 51,8 тыс. рабочих мест, что позволило увеличить промышленное производство на 31,5%¹¹.

Однако ключевым вопросом использования инструментов стратегического планирования и государственных программ является оценка их реальной эффективности, по поводу которой многие исследователи проявляют определенный скептицизм [3]. Несмотря на потенциал восточного направления [4], большинство отечественных исследователей подвергает критике существующие госпрограммы и стратегии развития Дальневосточного федерального округа. По мнению П.А. Минакира, федеральные власти недостаточно учитывают исторический опыт разработки концепций развития дальневосточных территорий, что снижает эффективность регионального программного планирования. Это проявляется в отсутствии проработанности отдельных блоков программ. В результате не обеспечено гибкое реагирование экономики регионов на внешние шоки [5]. Экспертами отмечается низкая эффективность реализации госпрограммы «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа до 2025 года», поскольку эмпирические значения ряда целевых показателей не соответствуют заявленным [6]. Это требует корректировки данной программы в целом [7].

Однако значительная часть критических замечаний построена на теоретических предположениях и анализе нормативно-правовых аспектов, при этом количественная оценка эффективности реализуемых на Дальнем Востоке программ и стратегий практически отсутствует в научной литературе.

Целью нашего исследования является оценка влияния мероприятий госпрограммы на экономическое развитие субъектов ДФО. Анализ производится с использованием метода синтетического контроля, что позволяет комплексно оценить эффективность принимаемых мер.

⁷ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона». URL: <http://government.ru/docs/33593/>

⁹ Открытый бюджет. Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.gov.ru/opened-ministry/otkrytyy-byudzhel/>

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 г. № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/565853199#6520IM>

¹¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 308 (с изм. и доп.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа». URL: <https://base.garant.ru/70644078/#friends>

Рассматриваемый в исследовании период реализации госпрограммы характеризуется для России макроэкономическими шоками, в частности, кризисом 2014-2015 гг.¹² и кризисом 2020 г., вызванным пандемией. В связи с этим, основная гипотеза исследования предполагает, что с учетом внешних шоков заявленная госпрограмма показала свою эффективность как в отношении стимулирования регионального экономического роста, так и нивелирования негативных внешних последствий.

Результаты авторов, полученные методом синтетического контроля, существенно дополняют ранее проведенные исследования по оценке госпрограмм и позволяют разработать рекомендации по корректировке политики развития Дальнего Востока.

Количественные методы оценки политики и программ. Анализ управленческих решений в социальной и экономической сферах базируется на известной методологии оценки политик и программ. Формирование этой методики началось в 50-х годах прошлого века. По мнению одного из известных исследователей в этой области Х. Вольмана, оценивание – это «эмпирическое осмысление и анализ политического процесса, попытка идентификации результатов и улучшения политического цикла» [8, с.133]. Вольман выделил три волны развития оценки государственной политики: первая – 1960-е – 1970-е годы (акцент на планировании государственных программ); вторая – середина 1970-х – 1980-е годы (контроль над расходами); третья – конец 1980-х – 1990-е годы (появление концепции нового государственного менеджмента). Исследователь дал определение ряду процедур оценивания, включая первичное (primary evaluation), внутреннее (internal evaluation), внешнее (external evaluation), прогнозное (ex-ante) и т. п. [9].

Сегодня оценивание – неотъемлемый институт государственного управления в большинстве стран, включая постсоветское пространство. Последовательное развитие этого института началось с реализации бюджетной и административной реформ [10; 11]. За последние полвека в арсенал оценивания вошло много различных методов, включая современные количественные, в применении которых, как справедливо отмечает А.А. Широков, остро нуждается анализ экономической политики в России [12].

Среди таких способов оценки – сравнительные кейс-стади¹³, в число которых входят разность-разностей (difference-in-difference – далее DiD), метод синтетического контроля (synthetic control method – SCM) и псевдорандомизации (сопоставление оценок склонностей, от англ. propensity score matching – PSM). DiD используется в случае большого количества наблюдений в исследуемой и контрольной группе, что позволяет выявить «параллельные тенденции», подразумевающие возможность контроля над аддитивными факторами, присущими каждому конкретному объекту. Метод DiD предполагает одинаковые веса для всех объектов контрольной группы [13]; его оценка считается более эффективной в случае дезагрегированных показателей и предпочтительнее для анализа небольших объектов (индивидов, фирм и т. д.), хотя применяется и в региональных, и в межстрановых исследованиях.

Метод PSM используется при отсутствии данных в периоде, предшествующем введению политики, и позволяет сбалансировать размерность ковариат контрольной и исследуемой групп. Метод SCM позволяет путем взвешивания объектов из контрольной группы [14] компенсировать отсутствие параллельных трендов, наблюдающееся в случае исследования агрегированных данных. Этот способ считается более эффективным в случае сравнения регионов и стран [15]. Таким образом, метод SCM

¹² Валютный кризис в России (2014-2015) – резкое снижение курса рубля к доллару США, вызванное падением мировых цен на нефть.

¹³ Кейс-стади – метод кейсов, метод ситуационного анализа, от англ. Case Method.

позволяет получить наиболее эффективную и точную оценку политики в случае меньшего количества наблюдений. Это достигается за счет присвоения весов на основе сравнения объектов в периоде, предшествующему введению политики.

Метод SCM был предложен А. Абади и Х. Гардеасабалем в 2003 г. для оценки влияния на региональную экономику террористического конфликта в Стране Басков в конце 1960-х годов. Используя комбинацию данных по двум испанским регионам, авторы оценили динамику возможного экономического роста в Стране Басков в случае отсутствия терроризма [16].

Применение SCM в ряде зарубежных исследований позволило оценить реальный эффект от реформирования налоговой системы. Например, введение туристического налога в городах Италии снизило внутренний спрос на туризм [17]. Введение пропорциональной системы налогообложения в развитых странах способствовало экономическому развитию [18]. Комплексные реформы налогового администрирования, проведенные в ряде развивающихся стран, показали низкую эффективность, поскольку увеличение автономии налоговых органов не привело к значительному росту поступлений в бюджет [19]. Абади и др. подтверждают положительный эффект государственного ограничения потребления табака в Калифорнии [14], подчеркивая преимущества SCM для оценки эффектов реализуемой политики.

В России SCM пока не приобрел широкого распространения, однако в ряде отечественных работ уже присутствуют результаты, полученные на его основе. Так, А.С. Скоробогатов обосновал, что вводимые государством ограничения на продажу алкогольной продукции в определенные часы привели к росту смертельных случаев в результате отравления в регионах России [20]. Исследователи Ю.Д. Шмидт и Н.В. Ивашина, используя SCM, получили эмпирические доказательства эффективности государственных программ по переселению соотечественников и «Дальневосточный гектар», реализация которых позволила снизить отток населения из регионов Дальнего Востока [21]. Примечательно, что это практически единственный случай применения количественной оценки политики, проводимой в ДФО.

В целом исследования демонстрируют эффективность применения SCM для оценки последствий политических решений и государственных программ. Следует отметить, что метод имеет ряд преимуществ: во-первых, применяется для агрегированных данных; во-вторых, сравнивается интересующий объект с контрольной группой, в которую может входить несколько объектов; в-третьих, дается количественная оценка реализации политики, что позволяет сделать вывод о ее эффективности и необходимости корректировки.

Данные и методология. Методология синтетического контроля предполагает оценку эффективности политики на основе сравнения субъектов РФ, где реализовывалась государственная программа (тримент-группа, от англ. «treatment group»), с регионами, схожими по уровню экономического развития, но на территории, которых подобная политика не применялась (контрольная группа, англ. «control group»). В исследовании использовались данные Росстата¹⁴ за 2001–2020 гг. по 21 субъекту Дальневосточного и Сибирского федеральных округов. Тримент-группу составили одиннадцать регионов ДФО, контрольную группу – десять регионов СФО.

Основная цель госпрограммы – стимулирование регионального экономического развития, поэтому в качестве результирующей переменной использован логарифм реального ВРП на душу населения в постоянных ценах 2016 г. Значение показателя за 2001–2014 гг. включается в качестве контрольной переменной, поскольку исходный уровень развития сказывается на его будущих значениях. Периодом разрыва

¹⁴ Федеральная служба государственной статистики. Региональная статистика: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

является 2014 г., когда была введена госпрограмма. Значения логарифма ВРП на душу населения за 2015-2020 гг. вошли в прогнозный период, на основе которого оценивается эффективность реализуемой политики. В качестве контрольных переменных в модель включены государственные расходы (% от номинального ВРП), грузооборот автомобильного транспорта (т/км), плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (км на 1 тыс. кв. км территории), уровень занятости населения (%).

В целом переменные, включаемые в модель, частично отражают совокупность многообразных факторов экономического роста регионов. Они разделены Н.Н. Михеевой на четыре группы, исходя из объективных различий, структуры хозяйственного комплекса, особенностей конечного спроса и институциональных условий [22].

Моделирование с помощью SCM предполагает построение графика динамики экономического развития для регионов, входящих в тритмент-группу, на основе эмпирических значений показателя и демонстрирует реальное изменение ВРП на душу населения с учетом реализации госпрограммы. Контрольные факторы включаются в модель, во-первых, для сопоставления регионов и присваивания весов, во-вторых, для расчета динамики синтетического региона. Посредством вычисления показателя экономического развития для синтетического региона предоставляется возможность расчета чистого эффекта от реализации стратегии на основе сопоставления реальной динамики ВРП на душу населения и синтетической для каждого конкретного региона (формула (1)) [23], что и является целью данного исследования:

$$\widehat{D}_{1,t} = Y_{1,t} - \widehat{Y}_{1,t}^N, \quad (1)$$

где $\widehat{D}_{1,t}$ – оценка эффекта политики для региона в периоде t , $Y_{1,t}$ – значения зависимой переменной региона из тритмент-группы, $\widehat{Y}_{1,t}^N$ – значения зависимой переменной для синтетического региона.

Стоит отметить, что в рамках классического регрессионного анализа можно получить оценки влияния факторов на экономическое развитие регионов ДФО, однако тогда исключается возможность нахождения эффекта от реализации программы. В связи с этим авторами используется метод синтетического контроля.

На получение устойчивых результатов моделирования значительное влияние оказывает формирование контрольной группы. Обоснование контрольного региона предполагает наличие экономических и статистических предпосылок. В частности, регионы СФО и ДФО имеют схожие географические условия, ресурсную обеспеченность, а также низкую плотность населения. При этом показатели экономического развития в периоде до принятия стратегии схожи в данных округах.

Одним из преимуществ метода является присвоение весов для субъектов контрольной группы при оценке динамики ВРП на душу населения отдельного анализируемого региона из тритмент-группы [24]. Веса, представленные в исследовании, присваиваются автоматически в программе Stata на основе сопоставления регионов тритмент-группы и контрольной группы по контрольным факторам, включаемым в модель (формула (2)):

$$\widehat{Y}_{1,t}^N = \sum_{j=2}^{j+1} w_j^* * Y_{j,t}, \quad (2)$$

где $Y_{j,t} = f(X_{i,t})$ – реальные значения зависимой переменной для контрольной группы, $\widehat{Y}_{1,t}^N$ – прогнозное значение для синтетического региона, w_j^* – вектор весов.

Таким образом, исключается, например, сопоставление динамики Республики Саха (Якутия), как одного из наиболее развитых регионов ДФО, с наименее развитыми регионами СФО, например, Республикой Алтай. Динамика синтетического

региона строится на основе взвешенных показателей ряда сопоставимых субъектов из контрольной группы, которая демонстрирует, какой уровень экономического развития имел бы регион из тритмент-группы в случае, если бы не было госпрограммы. Веса для регионов контрольной группы ограничиваются единицей, что позволяет избежать экстраполяции оценок [14; 16].

В табл. 1 представлены весовые коэффициенты для каждого синтетического субъекта ДФО, которые рассчитывались на основе данных контрольной группы регионов СФО.

Таблица 1

Весовые коэффициенты синтетического региона

Регионы	Республика Бурятия	Республика Саха (Якутия)	Забайкальский край	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская АО	Чукотский АО		
Республика Алтай	0,426	1	0,054	0,018	0,207	0,474	0,044	1	1	0,168	1		
Республика Тыва			0,225	0,931			0,122					0,505	0,314
Республика Хакасия			0,429										
Алтайский край	0,281	0,051	0,392	0,021	0,093	0,200	0,447	0,185					
Красноярский край									0,292				
Иркутская область	0,293												
Кемеровская область													
Новосибирская область													
Омская область													
Томская область													

Источник: рассчитано авторами в Stata по данным исследования.

Согласно табл. 1, например, динамика синтетического региона для Приморского края строится на основе показателей Республики Хакасии с коэффициентом 0,207, Красноярского края (0,122), Кемеровской (0,185), Новосибирской (0,392) и Омской (0,093) областей.

Таким образом, синтетический контроль, в отличие от классической регрессии, позволяет определить относительный вклад каждого региона из контрольной группы и сходства/различия между регионом, испытывающим влияние государственной программы, и синтетическим регионом, с точки зрения эффекта воздействия проводимой политики и иных факторов в прогнозном периоде.

Результаты и дискуссия. Полученные результаты моделирования показали различную реакцию регионов на реализацию госпрограммы, что позволило разделить их на две группы: с высокой и низкой эффективностью госпрограммы.

Рассматриваемый прогнозный период 2014-2021гг. характеризуется высокой геополитической нестабильностью, включая введение санкций против России и глобальный кризис, вызванный пандемией COVID-19. Однако, несмотря на внешние шоки, экономическая динамика в ряде анализируемых субъектов оказалась выше по сравнению с синтетическим регионом, что свидетельствует о высокой эффективности госпрограммы (рис. 1).

Из графиков рис. 1 видно, что, к примеру, динамика ВРП на душу населения Магаданской области положительна на протяжении всего прогнозного периода, в то время как на Республику Саха (Якутия) повлиял кризис 2020 г. Тем не менее, реальная

динамика в этих субъектах превышает динамику синтетического региона, а разрыв между синтетическим и реальным субъектом значительно увеличивается после 2014 г.

Приморский и Камчатский края показали экономический рост в прогнозном периоде. В этих регионах до 2014 г. наблюдалась схожая с синтетическим регионом динамика ВРП на душу населения. Однако затем очевиден большой разрыв траекторий и отсутствие спада в кризис 2020 г., в отличие от более сильного влияния кризиса на синтетический регион. Улучшение экономической динамики обеспечивается реализацией госпрограммы, в частности, созданием территорий опережающего развития (ТОР), привлечением инвестиций, ростом промышленности, а также развитием Северного морского пути и созданием Свободного порта Владивосток.

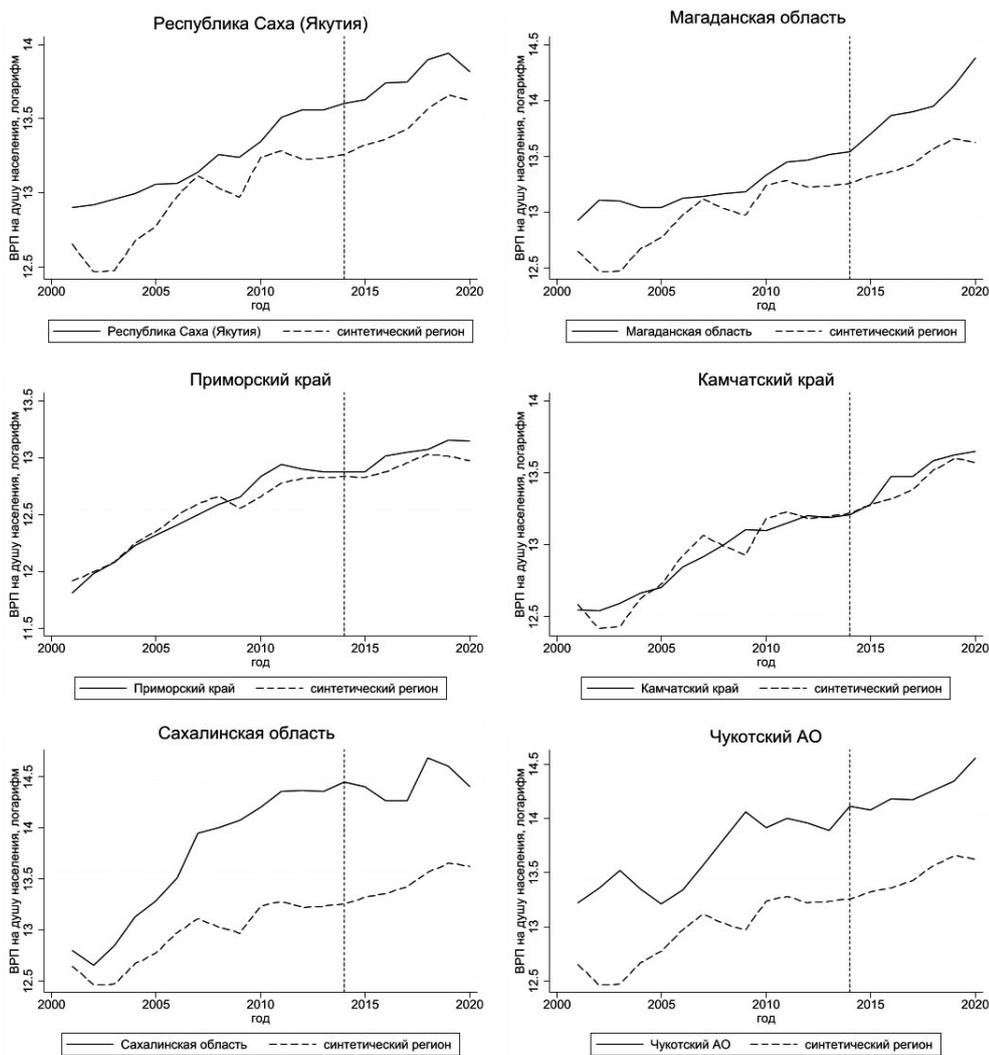

Рис. 1. Результаты моделирования методом синтетического контроля для регионов с высокой эффективностью госпрограммы

Источник: рассчитано авторами в Stata по данным исследования.

Следует отметить, что на территории регионов рассматриваемой группы в период 2015-2021 гг. предполагалось создать наибольшее число ТОР с объемом инвестиций 4565,6 млрд руб. На конец 2021 г. проинвестировано 1625,8 млрд руб., т. е. 21,9% от намеченного. Финансирование порта Владивосток по итогам 2021 г. составило 263,1 млрд руб. или 35,6% от запланированного¹⁵.

В полученных результатах выделены Сахалинская область и Чукотский автономный округ. На протяжении всего рассматриваемого периода, включая годы до начала реализации госпрограммы, показатели ВРП на душу населения в этих субъектах в значительной степени превышали значения синтетического региона. Сопоставление данных субъектов РФ методом синтетического контроля осуществлялось с Красноярским краем, как наиболее развитым регионом СФО. При этом уровень ВРП на душу населения в этих дальневосточных регионах выше, чем в сибирском.

Примечательно, что Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ включены в регионы Арктической зоны РФ, что обеспечивало их дополнительное финансирование в 2015-2021 гг. в объеме 0,9 и 2,8 млрд руб. соответственно, из которых на конец периода по Якутии было проинвестировано 89%, по Чукотке – 7,1%¹⁶. Кроме того, в Чукотском автономном округе с 2005 г. реализовывалась целевая программа¹⁷, что способствовало устойчивому росту экономики округа и увеличению разрыва по сравнению с синтетическим в 2006 г.

В Сахалинской области реализуется федеральная целевая программа социально-экономического развития Курильских островов¹⁸, что положительно сказывается на регионе в целом. Однако в Сахалинской области более значимым оказался эффект от санкций и ухудшения отношений с Японией, что привело к приостановке совместных инвестиционных проектов.

В целом полученные результаты частично подтверждаются выводами Н.Н. Михеевой, оценившей устойчивость регионов к кризисам 2009 и 2015 гг. – регионы нашей первой группы, за исключением Чукотки, попали в группы устойчивых [25].

Графики на рис. 2 демонстрируют результаты моделирования для регионов, где эффективность программы оказалась низкой – значения синтетического региона превышают реальные значения ВРП на душу населения. Тем не менее, отмечается небольшое сближение графиков динамики ВРП на душу населения в прогнозном периоде.

В Амурской области наблюдался экономический рост до 2010 г., но затем последовал резкий спад, период которого сопровождался значительными инвестициями в строительство космодрома Восточный, но одновременно и судебными делами, связанными с хищением выделенных средств. В целом все это негативно сказалось на экономике региона, а также привело к усилению контроля над исполнением бюджета. С 2014 г. тенденция меняется: начинается экономический рост, что связано с реализацией крупных инфраструктурных проектов, а также созданием ТОР. Это позволило компенсировать внешние негативные последствия.

В Хабаровском крае и Еврейской автономной области динамика реального и синтетического регионов сопоставима в период до введения госпрограммы, однако после ее введения в этих субъектах не наблюдается значительного роста. Подобный эффект мог быть вызван определенной политической нестабильностью, вызванной сменой губернатора в Хабаровском крае и рекордным дефицитом кадров в Еврейской

¹⁵ Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики // О Корпорации // Отчеты о деятельности // Отчет за 2021 год. URL: <https://erdc.ru/about/reports/>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Постановление Правительства Чукотского автономного округа от 24.11.2004 г. № 235 «Развитие образования Чукотского автономного округа на 2005-2006 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/460109396>

¹⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 4 августа 2015 г. № 793 «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016-2025 годы» (с изменениями на 12 мая 2023 года) URL: <https://docs.cntd.ru/document/420292724>

автономной области. В Хабаровском крае большая часть инфраструктурных проектов реализуется в настоящее время, например, строительство логистического хаба и газопровода, которые соединят между собой все регионы ДФО. Еврейская автономная область имеет наименьшие показатели ВРП на душу населения среди регионов ДФО, при этом наблюдается существенное снижение разрыва между реальным и синтетическим регионом после 2019 г.

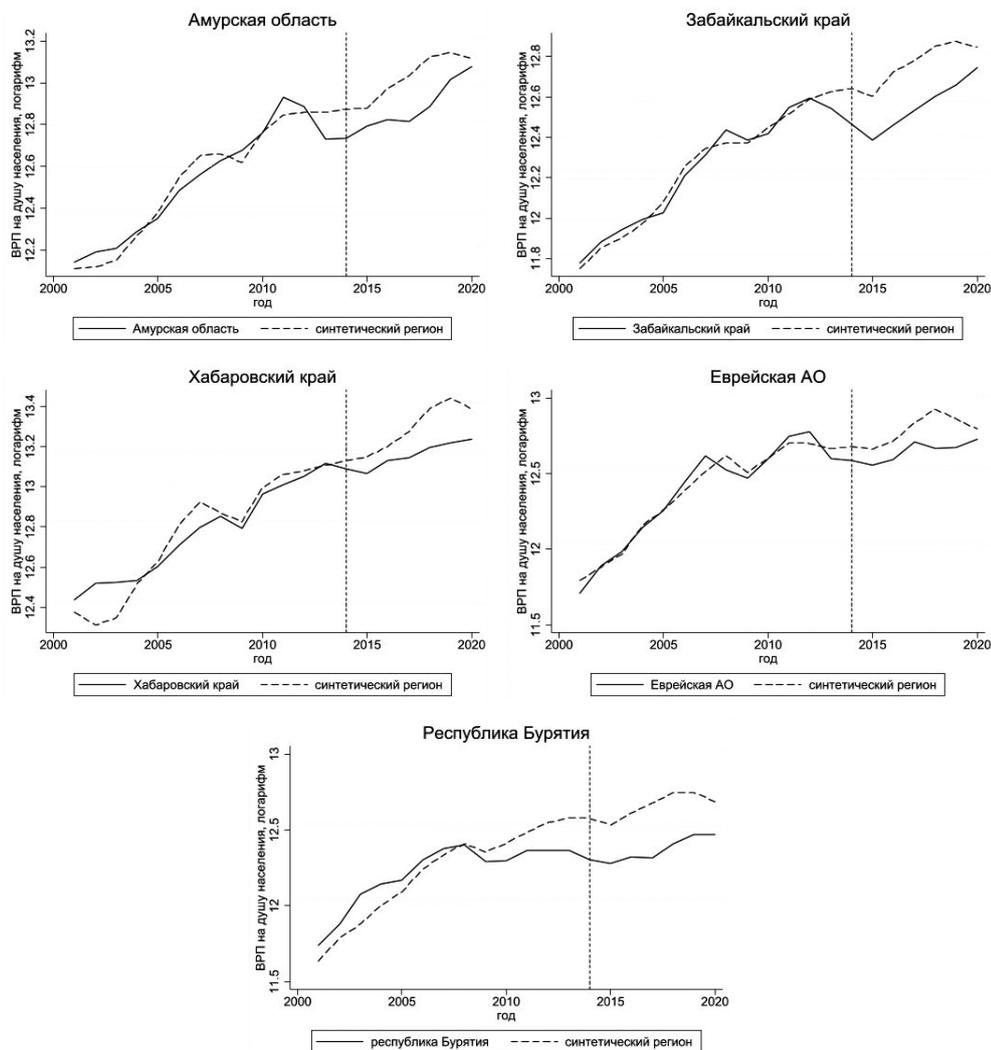

Рис. 2. Результаты моделирования методом синтетического контроля для регионов с низкой эффективностью госпрограммы

Источник: рассчитано авторами в Stata по данным исследования.

Особый случай – Забайкальский край и Республика Бурятия, которые в составе ДФО с 2018 г. В обоих субъектах наблюдается более значительный разрыв по уровню развития по сравнению с синтетическим регионом и другими дальневосточными регионами. Одновременно очевидно сокращение разрыва после 2018 г., то есть после подключения субъектов к госпрограмме. В итоге можно констатировать ее эффективность в отношении этих двух регионов, хотя и более низкую в сравнении с другими субъектами ДФО.

В табл. 2 приведена оценка среднего эффекта от реализации госпрограммы для регионов ДФО, которая рассчитывается на основе индивидуальных тритмент-эффектов для каждого отдельного региона за рассматриваемый период.

$$ATE = (T - T_0)^1 * \sum_{t=T_0+1}^T \hat{D}_{0,t}. \quad (3)$$

Таблица 2

Средний эффект от реализации государственной программы
в дальневосточных регионах с 2014 г.

Регионы	Средний эффект от реализации
Республика Бурятия	-0,353
Республика Саха (Якутия)	0,048
Забайкальский край	-0,210
Камчатский край	0,052
Приморский край	0,085
Хабаровский край	-0,132
Амурская область	-0,144
Магаданская область	0,197
Сахалинская область	0,255
Еврейская АО	-0,137
Чукотский АО	0,086

Источник: расчеты авторов исследования.

Результаты оценки подтверждают наличие положительных и отрицательных эффектов от реализации стратегии для каждого региона.

Заключение. Таким образом, выдвинутая гипотеза об эффективности госпрограммы развития Дальнего Востока в отношении стимулирования регионального экономического роста и нейтрализации негативных внешних шоков подтвердилась частично. От реализации госпрограммы выиграли регионы, для которых характерны значительная ресурсная база, более высокие показатели ВРП на душу населения, рост промышленности и торговли, а также наличие самостоятельных целевых программ для отдельных территорий субъекта. В них реализуется и большее число крупных инвестиционных проектов.

В регионах, отстающих по показателю ВРП на душу населения, реализация госпрограммы не способствовала в значительной мере экономическому росту. Это частично согласуется с некоторыми отечественными исследованиями, которые критикуют государственные программы за их низкую эффективность [26], а также за отсутствие достаточного контроля со стороны органов власти [6]. Ряд регионов ДФО остается на более низком уровне экономического развития относительно синтетических регионов, что требует корректировки существующих механизмов реализации госпрограммы, о чем также пишут эксперты [27; 28]. Учитывая высокую социально-экономическую и природную дифференциацию регионов Дальнего Востока, допустим, что в отстающих субъектах больший эффект могут дать дополнительные индивидуальные целевые программы и более специфичные для этих регионов меры, реализуемые в рамках кластерной инвестиционной платформы. Примером может служить программа развития островов Курильской гряды. Кроме того, интеграцию таких регионов в общее экономическое пространство за счет увеличения межрегионального взаимодействия и, как следствие, повышение резистентности к стратегическим вызовам, обеспечат крупнейшие инфраструктурные проекты, в частности, строительство скоростных автомагистралей через Сибирь до Тихого океана.

Литература / References

1. Михеева Н.Н. Приоритеты регионального развития как фактор экономического роста // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2018. Т. 16. С. 32-52. DOI: 10.29003/m252.sp_ief_ras2018/32-52. [Mikheeva N.N. Priorities of Regional Development as a Factor of Economic Growth. *Nauchnye Trudy: Institute of National Economic Forecasting RAS*. 2018. Vol. 16. Pp. 32-52. (In Russ.)]
2. Кузнецова О.В. «Восточный вектор» инвестиционных связей России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 2. С. 47–56. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-2-47-56. [Kuznetsova O.V. «Eastern Vector» of Russian Investment Relations // *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. No. 2. Pp. 47-56. (In Russ.)]
3. Минакир П.А. Экономическое развитие в «ловушке» роста: случай Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 4. С. 7-15. DOI: 10.14530/se.2021A007-015. [Minakir P.A. Economic Development «Trapped» in Economic Growth: The Case of the Russian Far East // *Spatial Economics*. 2021. Vol. 17. No. 4. Pp. 7-15. (In Russ.)]
4. Kotov A.V. Options for the Spatial Development of Russia in the Context of Interregional Interactions. *Studies on Russian Economic Development*. 2021. Vol. 32. No. 3. Pp. 318-324. DOI: 10.1134/S1075700721030072.
5. Минакир П.А., Прокапало О.М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2018. Т. 2. № 38. С. 146-155. [Minakir P.A., Prokapalo O.M. Far East Priority: Combinations of Investment and Institutes. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*. 2018. Vol. 2. No. 38. Pp. 146-155. (In Russ.)]
6. Латкин А.П., Макиевская Ю.Ю. Государственные программы развития Дальнего Востока: оценка их реализации // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2022. Т. 14. № 2. С. 68–77. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/068-077. [Latkin A.P., Makievskaya Yu.Yu. State programs for the development of the Far East: assessment of their implementation. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 68-77. (In Russ.)]
7. Тулоханов А.К., Михеева А.С., Бардаханова Т.Б. Еще раз о национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2020. № 4. С. 165-179. DOI: 10.14530/se.2020.4.165-179. [Tulokhonov A.K., Mikheeva A.S., Bardakhanova T.B. Once Again about National Program for Socio-Economic Development of Far East Russia. *Prostranstvennaya Ekonomika*. 2020. Vol. 16. No. 4. Pp. 165–179. (In Russ.)]
8. Wollmann H. (ed.) *Evaluating Public Sector Reforms*. *Revista Internacional de Estudios Politicos (special issue)*. 2001. Pp. 127-143.
9. Вольман Х. Оценивание реформ государственного управления: «третья волна» // *Социологические исследования*. 2010. № 10. С. 93–99. [Wollmann H. Evaluation of public administration reforms: the «Third Wave». *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010. No. 10. Pp. 93-99. (In Russ.)]
10. Шамков Ю.В., Дорошенко С.В. Институт оценки политики в пространстве ШОС // *Экономика региона*. 2012. № 4. С. 212–217. DOI: 10.17059/2012-4-24. [Shamkov Yu.V., Doroshenko S.V. Institute for Policy Assessment in the SCO Space. *Ekonomika regiona*. 2012. No. 4. Pp. 212-217. (In Russ.)]
11. Дорошенко С.В., Низметов К.К. Институт оценки политики в контексте теории реформ // *Журнал экономической теории*. 2014. № 2. С. 142-145. [Doroshenko S.V., Nigmatov K.K. Institute for Policy Assessment in the Context of Reform Theory. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*. 2014. No. 2. Pp. 142-145. (In Russ.)]
12. Широв А.А. Роль инструментальных методов анализа и прогнозирования при обосновании экономической политики // *Проблемы прогнозирования*. 2017. № 2. С. 3-9. [Shirov A.A. Role of instrumental methods of analysis and forecasting for substantiating economic policy. *Problemy prognozirovaniya*. 2017. No. 2. Pp. 3-9. (In Russ.)]
13. Doudchenko N., Imbens G.W. Balancing, regression, difference-in-differences and synthetic control methods: A synthesis. *National Bureau of Economic Research*, 2016. No. w22791. DOI: 10.3386/w22791.
14. Abadie A., Diamond A., Hainmueller J. Synthetic control methods for comparative case studies: Estimating the effect of California's tobacco control program. *Journal of the American statistical Association*. 2010. Vol. 105. No. 490. Pp. 493-505. DOI: 10.1198/jasa.2009.ap08746.
15. Arkhangelsky D., Athey S., Hirshberg D.A., Imbens G.W., Wager S. Synthetic difference-in-differences. *American Economic Review*. 2021. Vol. 111. No. 12. Pp. 4088-4118. DOI: 10.1257/aer.20190159.
16. Abadie A., Gardeazabal J. The economic costs of conflict: A case study of the Basque Country. *American economic review*. 2003. Vol. 93. No. 1. Pp. 113-132. DOI: 10.1257/000282803321455188.
17. Biagi B., Brandano M.G., Pulina M. Tourism taxation: A synthetic control method for policy evaluation. *International Journal of Tourism Research*. 2017. Vol. 19. No. 5. Pp. 505-514. DOI: 10.1002/jtr.2123.
18. Adhikari B., Alm J. Evaluating the economic effects of flat tax reforms using synthetic control methods. *Southern Economic Journal*. 2016. Vol. 85. No. 2. Pp. 437-463. DOI: 10.1002/soej.12152.
19. Sarr B. Assessing revenue authority performance in developing countries: A synthetic control approach. *International Journal of Public Administration*. 2016. Vol. 39. No. 2. Pp. 146-156. DOI: 10.1080/01900692.2014.1003382.
20. Skorobogatov A.S. The effect of alcohol sales restrictions on alcohol poisoning mortality: Evidence from Russia. *Health economics*. 2021. Vol. 30. No. 6. Pp. 1417-1442. DOI: 10.1002/hec.4251.
21. Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В. Оценка результативности новых инструментов миграционной политики в Дальневосточном регионе // *Экономика региона*. 2021. Т. 17. № 3. С. 902–916. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-13. [Shmidt Yu.D., Ivashina N.V. Assessment of migration policy measures implemented in the Russian Far East. *Ekonomika regiona*. 2021. Vol. 17. No. 3. Pp. 902-916. (In Russ.)]
22. Михеева Н.Н. Факторы роста российских регионов: адаптация к новым условиям // *Регион: Экономика и Социология*. 2017. № 4 (96). С. 151-176. DOI: 10.15372/REG20170407. [Mikheeva N.N. Growth factors of Russian regions: adaptation to new conditions. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*. 2017. No. 4 (96). Pp. 151-176. (In Russ.)]
23. Abadie A. Using Synthetic Controls: Feasibility, Data Requirements, and Methodological Aspects. *Journal of Economic Literature*. 2021. Vol. 59. No. 2. Pp. 391-425. DOI: 10.1257/jel.20191450.
24. Abadie A., Diamond A., Hainmueller J. Comparative politics and the synthetic control method. *American Journal of Political Science*. 2015. Vol. 59. No. 2. Pp. 495–510. DOI: 10.1111/ajps.12116.

25. Михеева Н.Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 106-118. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118. [Mikheeva N.N. Resilience of Russian Regions to Economic Shocks. *Problemy prognozirovaniya*. 2021. Vol. 32. No. 1. Pp. 68-77. (In Russ.)]
26. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Оценка результативности государственных программ социально-экономического развития регионов России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 4. С. 81-94 [Leksin V.N., Porfir'ev B.N. Evaluation of the effectiveness of government programs of socioeconomic development of regions of Russia. *Problemy prognozirovaniya*. 2016. No. 4. Pp. 81-94. (In Russ.)]
27. Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3. С. 165-181. DOI: 10.14530/se.2019.3.165-181. [Aganbegyan A.G. Development of the Far East: a national program in the context of national projects. *Prostranstvennaya ekonomika*. 2019. Vol. 15. No. 3. Pp. 165-181. (In Russ.)]
28. Гулидов Р.В. К вопросу об оценке государственной политики по развитию Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 4. С. 143-167. DOI 10.14530/se.2021.4.143-167. [Gulidov R.V. On the matter of appraisal of public policy towards the development of the Russian Far East // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2021. Vol. 17. No. 4. Pp. 143-167. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 27.09.2023. Статья принята к публикации 25.10.2023.

Для цитирования: С.В. Дорошенко, Р.И. Васильева, В.П. Литвинец. Государственная программа развития Дальнего Востока и ее эффективность для регионов // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2 (203). С. 113-124.
DOI: 10.47711/0868-6351-203-113-124

Summary

THE FAR EASTERN DEVELOPMENT PROGRAM AND EFFECTIVENESS FOR REGIONS: CASE-STUDY ASSESSMENT

S.V. DOROSHENKO, Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0002-8282-6062; Scopus Author ID: 56470612600

R.I. VASILEVA, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0001-5539-3145; Scopus Author ID: 57417710500

V.P. LITVINETS, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0003-4818-4665

Abstract. The article provides estimation results of the impact of the state program “Socio-economic development of the Far Eastern Federal District” on regional economic growth. The econometric modelling implements synthetic control method (SCM). The research results demonstrate that the state program is more effective in economically developed Russian entities. In the lagging behind regions, which are observed by lesser gross regional product (GRP) per capita, the implementation of the program shows lower efficiency. The results significantly contribute to the existing literature on policy evaluation and allow proposing policy implications for regional policies improvement.

Keywords: the policy and program assessment, documents of strategic planning, synthetic control method (SCM), Far Eastern macroregion, economic development.

Received 27.09.2023. Accepted 25.10.2023.

For citation: S.V. Doroshenko, R.I. Vasileva and V.P. Litvinets. The Far Eastern Development Program and Effectiveness for Regions: Case-Study Assessment // *Studies on Russian Economic Development*. 2024. Vol. 35. No. 2. Pp. 237-245.
DOI: 10.1134/S1075700724020035